

Евгений Лукин
**ГРЕХИ
НАШИ ТЯЖКИЕ**

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Евгений Лукин

Грехи наши тяжкие (сборник)

Серия «Звездный лабиринт (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/21991850>

Лукин, Евгений. Грехи наши тяжкие : [сборник] : АСТ; Москва; 2016

ISBN 978-5-17-097479-5

Аннотация

<rp>Каждый раз, открывая очередной сборник Евгения Лукина, читатель предвкушает увлекательное путешествие в неизведанные миры. И путешествие тем интереснее, что миры эти находятся буквально на расстоянии вытянутой руки. Это наше вероятное будущее. Это наше гротескное настоящее.**</rp>** **<rp>**Лукину, как никакому другому автору, удастся удивить и заинтересовать читателя с помощью обычной магии слова «если».**</rp>** **<rp>**Что, если собрать в одном городе-государстве весь криминальный мир?**</rp>** **<rp>**Что, если объявить беспощадную войну пришельцам из будущего и самому этому будущему?**</rp>** **<rp>**Что, если гаджеты-шпионы проникнут в жизнь каждого человека и ни одну секунду частной жизни невозможно будет скрыть от окружающих?**</rp>** **<rp>**Читайте – и переживайте вместе с автором.**</rp>** **<rp>**Читайте – и задумывайтесь.**</rp>** **<rp>**Читайте – и наслаждайтесь!**</rp>**

Содержание

Грехи наши тяжкие	5
Дело о причиндалах	29
Розыгрыш	45
Клопики	49
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Евгений Лукин
Грехи наши
тяжкие (сборник)

© Е.Ю. Лукин, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Грехи наши тяжкие

Вся розга наруже.

В.И. Даль

Погожим майским утром в редакции культуры муниципального телевидения прозвучал телефонный звонок. Мстислав Оборышев снял трубку.

– Мстиша... – недовольным голосом известил Авенир Аркадьич. – Тут к тебе сейчас направляется... э-э... человек...

– Надо же! – не преминул съязвить ядовитый Оборышев.

– Кого к нам только не заносит... И как мне с ним поступить?

– Н-ну... не знаю, – замялся Авенир, что вообще-то было ему не свойственно. – Выслушай... а там сам решай... Может, в курьёзы воткнёшь...

Похоже, несмотря на неусыпную бдительность железной Аси, в здание проник некто неадекватный. А по давней и тем не менее отвратительной традиции принято было сплавлять таковых либо в редакцию культуры, либо в редакцию науки. Это, конечно, в случае тихого помешательства. В случае буйного приглашали охранников.

Вскоре послышался деликатный стук в дверь.

– Войдите.

Вошёл незнакомец, при первом взгляде на которого Мстиша чуть отстранился и брезгливо прищурился. Красивые

мужчины вызывали в нём не меньшее омерзение, чем умные женщины. И то, и другое в понимании Оборышева являлось верхом неприличия.

Так вот, вошедший был неприлично хорош собой.

– Присаживайтесь, – справившись с неприязнью, проскрипел Мстиша. – И представьтесь заодно.

Тот поблагодарил и сел. Красавец. Хорошо хоть не красавчик – черты лица крупные, мужественные. Другая подробность, отчасти обелявшая пришельца в глазах Оборышева, – на диво небрежный прикид. Чувствовалось, что одёжку свою посетитель приобретал давно и явно не в бутиках.

– Вождедея, – сказал он.

Мстиша приподнял брови.

– Чего-чего делаешь?

– Вождедея, – виновато повторил тот. – Это моя фамилия. Егор Трофимович Вождедея. Вот... – Он достал и раскрыл паспорт.

Оборышев бросил беглый взгляд и вдруг, заинтересовавшись, взял документ в руки. Лицо на фото было то же самое, но отталкивающе безобразное. Надо полагать, Егор Трофимович расплачивался за свою вызывающую красоту полным отсутствием фотогеничности. Вспомнились строки Достоевского: «Фотографические снимки чрезвычайно редко выходят похожими, и это понятно: сам оригинал, то есть каждый из нас, чрезвычайно редко бывает похож на себя».

– Так что вы мне хотели сообщить, Егор Трофимович? – спросил Мстиша, возвращая паспорт владельцу.

– Мне надо выступить на телевидении, – сказал тот.

– По какому поводу?

– По поводу того, что со мной случилось... Это очень важно, поверьте...

– Верю. – Мстиша кивнул. – И что же с вами случилось?

– Вчера ночью, – известил пришелец, – мне был голос...

«Охрану, что ли, сразу вызвать? – вяло прикинул Мстиша.

– Да нет, пожалуй, не стоит... Вроде смирный...»

– И по этому поводу вы хотите...

– Да.

– Это не так просто, как вам кажется, – с сожалением глядя на помешавшегося красавца, заметил Мстиша. – Вот вы говорите, голос. Чей голос?

– Н-ну... я полагаю... – Посетитель с трепетом взглянул в потолок, отчего стал ещё прекраснее.

– Вы верующий?

– Да, – истово сказал он. – С сегодняшнего дня. Точнее, со вчерашней ночи...

– И сразу направились к нам?

– Н-ну... как видите...

– А у батюшки были?

– У батюшки?..

– Вам был голос, – напомнил Мстиша. – Голос, насколько вы вас понял, принадлежал Богу... Так?

– Так.

– Логично было бы обратиться к специалисту... А вы сразу на телевидение. Что Он вам сказал, если не секрет? Открыл истину?

– Ну, в общем... Да. Открыл.

– И велел поведать её остальным? Урби, так сказать, эт орби? Градам и весям...

– Да. Велел.

– Ну и, естественно, – уже с откровенной скукой продолжал Мстиша, – именно вам предстоит стать во главе нового учения...

– Нет.

Оборышев моргнул.

– Как «нет»? – не поверил он.

– Так «нет». Просто сообщить – и всё...

Мстиша озадаченно потёр ладонью подбородок.

– Хорошо! Вы можете в двух словах изложить сейчас эту вашу истину?

– Конечно. Он сказал... – Прекрасные глаза пришельца слегка затуманились. – Отныне...

– Простите, – уточнил въедливый Мстиша. – Отныне – это когда?

– Ну... с того момента, как человек услышит от кого-нибудь... узнает...

– Понял. Извините, что перебил. Продолжайте.

– Отныне, – провозгласил новоявленный пророк, – телес-

ная красота будет соответствовать красоте духовной...

Мстиша Оборышев приоткрыл рот и медленно откинулся в потёртом своём полукресле, влюблённо глядя на посетителя. Ка-кая прелесть!

– А дайте-ка ещё раз паспорт!

Взял, раскрыл, вновь сличил лицо с фотографией.

– Таким я был несколько лет назад... – вроде бы застеснявшись, пояснил Егор Трофимович. – И вчера ещё был...

– К батюшке! – решительно сказал Мстиша и встал. – К батюшке, к батюшке, к батюшке! Всё настолько серьёзно, что без благословения иерархов я просто не имею права... Вот ваш паспорт, давайте пропуск, сейчас я его подпишу... А сами – срочно в церковь! Слышите? Срочно! Чем быстрее вы это сделаете, тем быстрее мы с вами выйдем в эфир...

– Да, но...

– Никаких «но», Егор Трофимович, никаких «но»! Жду вас с благословением от наших пастырей...

Мягко, но опять-таки решительно выставив обескураженного красавца за дверь, Мстиша выждал секунд двадцать и снял трубку.

– Ася?.. Это Оборышев. Редакция культуры... Знаю, что знаешь!.. Вожде-лею Егора Трофимовича... Это фамилия! Так вот, Вожде-лею Егора Трофимовича (он сейчас выйдет) больше на территорию не пускать! Ни при каких обстоятельствах! И сменщицам тоже передай... Вожде-лею Егор Трофимович. Вож-де-ле-я... Записала? Ну и славно...

Отдуваясь, бросил трубку, достал сигареты. Двинулся к двери (курить полагалось только снаружи, у чёрного хода), глянул мельком в зеркало – и чуть не споткнулся. Не веря глазам, подошёл поближе, всмотрелся. Вроде бы черты лица остались прежними, но... Нет, красавцем себя Мстиша никогда не считал. Да и никто его таковым не считал! Однако более гнусного отражения Оборышеву видеть ещё не доводилось.

Минуту, не меньше, он цепенел, глядя в собственные нагло-ватоватые глаза, затем уронил курительные принадлежности и снова кинулся к телефону.

– Ася?.. Ещё не выходил Вождея?.. Нет?! Всё отменяется, Ася! Верни его! Слышишь? Верни!

* * *

– Вызывали? – Надменная статная Акулина Истомина вторглась в кабинет Авенира Аркадьича без стука. Впрочем, подобным образом она вторгалась в любой кабинет, разве что за исключением председательского.

Поступью топ-модели, с презрительным видом вихляя челюстью, плечами и бёдрами, приблизилась к столу, затем скинула глаза – и приостановилась, слегка озадаченная.

– Сколько ж вы вчера выпили? – недоверчиво спросила она.

Мужчины (в кабинете их было двое) судорожно сглотну-

ли и переглянулись. Ну ладно, скукоженное личико Авенира Аркадьича и раньше состояло большей частью из морщин, в которых, казалось, гнездились все пороки мира, но вот Оборышев... Пару секунд Акулина зачарованно вникала в странно искажившиеся черты своего давнего друга и любовника, потом, словно бы в поисках эталона, перевела взгляд на висящий позади стола портрет.

По сравнению с коллегами Президент показался ей душкой.

– Тут, собственно... – проямлил наконец Авенир и беспомощно обернулся к Оборышеву. – Мстиша...

Тот шумно выдохнул и с силой отёр ладонью лицо, отчего оно, впрочем, ничуть не похорошело.

– Значит, так, – решительно сказал он. – Псих пришёл. Вот думаем, не воткнуть ли его в «загранку»...

– Ну и втыкайте. Я-то при чём?

– Посоветоваться хотели...

– Прости, не поняла. Что за псих?

– Боговидец, – напряжённо пояснил Оборышев. – Точнее, богослышец. Утверждает, что с сегодняшнего числа внешность человека будет соответствовать его моральному облику...

При этих словах оба мужчины так и впились глазами в Акулину. Известие, однако, особого впечатления не произвело – скорчила пренебрежительную гримасу, вскинула плечи.

– Нет, господа, вы точно вчера перебрали! Какое я имею отношение к вашим психам?

– Что посоветуешь?

– Похмелиться, блин!

Мужчины сглотнули вновь. Было уже ясно, что гримаса, исковеркавшая черты надменной Акулины, останется с ней навсегда. Равно как и окривевшие плечи.

* * *

Узнав, что его собираются воткнуть именно в курьёзы (официально рубрика называлась «За гранью культуры»), Егор Трофимович Вождедя несколько не обиделся.

– Это всё равно, – кротко молвил он. – Главное, чтобы услышали.

Справедливо рассудив, что терять ему уже нечего, краткую беседу с божьим человеком провёл перед камерой сам Мстислав Оборышев. Вопросы в основном задавал натужно-игривые, внутренне обмирая при мысли о том, как он с нынешней своей рожей будет смотреться на экране.

Акулина Истомина рыдала в гримёрной.

Переснимать не пришлось. Внезапно подурневшая Маня, ассистент режиссёра, дала отмашку – и дамский любимчик Рудик отнял от окуляра ошеломительно мерзкую харю прожжённого альфонса и сутенёра. Обезумевшим взглядом Мстиша Оборышев обвёл присутствующих. Каких-нибудь

пять минут назад все они выглядели вполне прилично, даже обаятельно. Теперь это была кунсткамера.

– Спасибо! – выпалил он, вскакивая. – У меня к вам, Егор Трофимович, ещё пара вопросов наедине... если позволите...

Выволок за рукав растерявшегося Вождедею в коридор, и следует сказать, очень вовремя, потому что из студии слышались уже первые вскрики.

– Так, – хрипло сказал Мстиша. – Вот ваш пропуск – и быстро на проходную!

– Но...

– Нигде не задерживайтесь! И вообще мой вам совет: на люди не показываться. Хотя бы пару дней... Да! Передача – в шесть тридцать по местному времени. Вообще-то в шесть ровно, но пока дело дойдёт до «загранки»... Шесть тридцать! Не пропустите...

Глаза его внезапно стали незрячи, и он снова оцепенел, представив, что стрясётся с телезрителями в эти самые шесть часов тридцать минут, когда истина безвозвратно уйдёт в эфир.

* * *

Домой Мстиша вернулся к восьми, изрядно выпив для храбрости. Несмотря на многочисленные заходы налево, жену свою он любил и со страхом гадал заранее, какая гарпия

предстанет его глазам. Внешность у Светы, следует заметить, была самая невзрачная: серая мышка, воробышек. Что же с ней будет теперь? Акулину-то вон как перекинуло!

Ключ упорно не желал вставляться в прорезь замка. Наконец хозяйка, не выдержав, открыла дверь сама – и трудно даже сказать, кто из супругов был поражён в большей степени. Вне всякого сомнения, передачу Светлана посмотреть успела, ибо перед Мстишей возникла на пороге маленькая хрупкая женщина ангельской красоты. Оборышев протрезвел от ужаса. Он почувствовал себя раздетым донага. Все его обманы, измены и заначки были теперь оттиснуты на физиономии и в комментариях не нуждались.

Пауза длилась и длилась.

– Боже... – с жалостью глядя на мужа, выдохнула волшеб-но похорошевшая Света. – Бедняжка ты мой... Сколько же вам приходится врать на этом своём телевидении!..

Трудно сказать, откуда и зачем берутся на белом свете порядочные люди, если их появлению естественный отбор, мягко говоря, не способствует. Но вот берутся откуда-то и даже иногда умудряются дожить до совершеннолетия, а то и до преклонных лет, хотя одному богу известно, чего им это стоит. Порядочный человек – публичная пощёчина обществу. Своим поведением он как бы опускает окружающих, напоминая им о том, кто они такие. Думается, именно поэтому Христос завещал творить добро втихомолку и ни в коем случае не напоказ. Иначе пришибут.

Естественно, что, стоило схлынуть первому потрясению, Оборышев почувствовал себя оскорблённым. Нет, но как вам это понравится: опять он весь в экскрементах, а она вся в белом! А уж наивное восклицание Светы и вовсе уязвило до глубины души. К счастью, Мстише хватило ума обиды своей не выдать и покорно испить горькую чашу до дна.

Светлана утешала мужа весь вечер, так что в конце концов он чуть ли не сам уверовал, будто поразившее его безобразье вызвано скорее профессиональными, нежели бытовыми проступками.

На следующее утро позвонил Авениру, сказался больным. Телефон отключил. Пил и смотрел телевизор. Вчерашний сюжет муниципалка прокрутила трижды. В полдень благолепный Вождедя и неподобный Оборышев возникли в столичных новостях.

А ближе к вечеру за Мстишей пришли.

* * *

Визитёров пожаловало двое, оба в штатском. Судя по их обличью, с истиной они тоже ознакомились: у той страхолюдины, что повыше, были глаза маньяка и рот садиста; у той, что пониже и потолще, – жабья физия похабника и сластолюбца.

Слава богу, Светлана к тому времени ещё не вернулась с работы.

– Как же это вы? – посетовал маньяк и садист, устремляя на Оборышева ласковый взор и словно бы видя уже собеседника в пыточной камере. – Опытный вроде работник – и так подставились...

Голос его показался знакомым.

«Подставился?.. – жёлчно подумал Мстиша. – Нет, ребята, не подставился – это я вас всех подставил! А то что ж мне, одному пропадать?..»

– В суд на вас подают.

– Кто?

– Вам всех перечислить?

– А-а... по какой статье?

– Да мало ли! За нанесение ущерба деловой репутации, за причинение вреда здоровью, за оскорбление чувств верующих...

Похабник и сластолюбец помалкивал с матерным выражением лица. Садист продолжал:

– Где вы раскопали вообще этого вашего Вожделею?

– Нигде. Сам пришёл.

– Но кто-то же его к вам направил?

– Авенир Аркадьич. Порекомендовал воткнуть в курьёзы...

– Вот как? – Двое переглянулись. – Ну, с Авениром Аркадьичем разговор будет отдельный. А вот вы...

– А что я?

– Нет, но предварительную-то беседу вы с Вожделеей про-

водили? И что же, не заметили после этого изменений в собственной внешности?

– Знаете... в зеркало я смотрюсь редко...

– Не свисти! – неожиданно посоветовал похабник и сластолюбец. – В зеркало он не смотрится! А в гримёрке?

– Даже и в гримёрке! Нет, ну... заметил, конечно, что скверно выгляжу...

Заврался, запутался, приуныл.

– Шуму много? – спросил он в тоске.

– Не то слово! С двенадцати часов народ как с цепи сорвался. Уровень преступности в два раза сиганул...

– Почему? – Мстиша оторопел.

– Красивых бьют.

– За что?!

– За то, что красивые!

Судорожным движением Оборышев выхватил сотовый телефон, но был пойман за руку.

– Кому?

– Жене!

– Она что? Тоже...

– Да!

Хватка разжалась. Связаться со Светой, впрочем, не удалось – шли короткие гудки. Застонав, Мстиша спрятал сотик.

– Собирайтесь, – сказали ему.

– Куда?

– К ответу, – исторг садист, осквернив и без того циничную мордень кощунственной ухмылкой. – Крови вашей жаждут...

– Ну да, конечно... – окончательно угасая, горестно помыслил вслух Мстиша. – Политики... бизнесмены...

– Политики? Бизнесмены? – хмыкнул маньяк. – Бизнесмены – это ещё полбеды. Да и политики тоже: как были уроды – так уродами и остались. А вот жёны олигархов...

– Ох-х... – болезненно выдохнул Оборышев.

– Вот именно, – мрачно подтвердил собеседник.

* * *

Привезли Мстишу отнюдь не в полицию, как он ожидал, и даже не в ФСБ, а прямиком в областную Думу. В небольшом зале с идеологически выдержанной потолочной лепниной собрались жаждавшие крови Оборышева. Поваяло картинами Босха, в частности – «Несением креста». Утешало лишь то, что за овальным столом не восседало ни единой разгневанной мегеры – сплошь мужской пол. Надо полагать, жёны олигархов, не решаясь теперь показаться в свет, взамен прислали своих адвокатов, мерзости чьих образин давно уже ничто не могло повредить.

– Вот, пожалуйста, – сказал конвоир, придерживая Мстишу за локоток. – Первый виновник, прошу любить и жаловать...

И началось беснование. Все вскинулись, все обрушились с угрозами, самой мягкой из которых было увольнение. Оборышев только успевал облизываться да озираться.

Наконец главный Квазимодо, подозрительно смахивавший на губернатора, треснул ладонью по столу – и всё смолкло.

– Как такое, понимаешь, могло случиться? – мёртвым голосом осведомился он в мёртвой же тишине.

Ну точно – губернатор.

Пришлось поведать историю с самого начала, по возможности перекладывая ответственность на плечи отсутствующего здесь Авенира Аркадьича. Поначалу Мстише казалось, что участников пандемониума, обсевших овальный стол, он видит впервые, однако мало-помалу из жутких личин начинали вытаивать знакомые черты. Вскоре он угадал почти всех. Элита. Побитый градом цвет общества.

– И как теперь, понимаешь, быть? – угрюмо осведомился главный Квазимодо, дослушав Оборышева.

Тот заискивающе улыбнулся и беспомощно развёл руками.

Губернатор засопел.

– Как шкодить, – ворчливо упрекнул он, – так все, понимаешь, горазды, а как отвечать, так, понимаешь... Что скажешь, Олег Аскольдыч?

И посмотрел на садиста и маньяка. Оборышев вздрогнул и тоже уставился. Олег Аскольдович? Ни-че-го себе! Вот это

его перековеркало...

– Я связался с нашей епархией, – сухо доложил тот. – Владыка тоже склоняется к мысли, что нас постигла Божья кара...

– Кого? Меня? – взревели за столом. – Ты за базаром-то – следи! Знаешь, сколько я на храм пожертвовал?

Взревевшего одёрнули.

– У меня создалось впечатление, – как ни в чём не бывало продолжал Олег Аскольдыч, – что владыка совершенно спокоен...

– Да я думаю! – фыркнули за столом. – Им-то чего беспокоиться? У них вон бороды от самых глаз – поди различи, что у них там под бородами!

Одёрнули и этого.

– Что касается учёной братии, тут полный разброд во мнениях. Психотропное оружие, гипнотическое внушение, кодовые слова... Ну и так далее.

– погоди, Олег Аскольдыч, погоди! А этот... Вождедея! Он-то сам что говорит?

– Ничего. В данный момент Егор Трофимович Вождедея находится в отделении реанимации. Больничный комплекс, травматология.

«Стало быть, всё-таки нарвался... – просквозила скорбная мысль. – А ведь предупреждал я его... Господи, лишь бы Светка убереглась!»

– Выживет?

– Врачи говорят, да. Состояние стабильно среднетяжёлое. Квзимодо издал приглушённый досадливый рык.

– А сам что думаешь?

– Думаю, независимо от того, что с нами случилось, ситуация необратима.

– То есть?

– То есть, хотим мы того, не хотим, а придётся приспособливаться к новым условиям.

Последовал новый взрыв возмущения – и глава областной администрации был вынужден повторно треснуть ладонью по столу.

– Ты это... понимаешь тут... Как тут приспособишься?

Прежде чем ответить, Олег Аскольдович впервые помедлил, должно быть, подбирая слова.

– Ситуация, по-видимому, необратима, – с невозмутимостью, за которой мерещилось извращённое удовольствие, повторил он. – Но не смертельна. Кстати, в прямом смысле. Пока у нас по области, слава богу, ни одного трупа. Для сравнения: в Москве их час назад было уже три.

– Да что вы нам тут про трупы?.. – вскипел очередной потерпевший. – Вот с этим что делать? С этим вот! – И он ткнул себя скрюченными пальцами в совершенно инфернальное мурло.

– Боюсь, тут уже ничего не поделаешь, – с сочувствием отвечал Олег Аскольдыч. – Независимо от рода деятельности грешить всё равно приходится, причём грешить профес-

сионально. Не будешь грешить – прогоришь. То есть каждый из нас сейчас перед выбором: либо стать красавцем, но без штанов, либо в штанах, но...

Договорить не дали – и последовало третье по счёту тресновение державной ладонью по столу.

– Предлагаю больше не упоминать о том, чего мы не в силах изменить, – выждав, сколько следует, вновь заговорил ужасный Олег Аскольдыч. – В конце концов, внешность – личное дело каждого. Главное сейчас – стабилизировать обстановку в городе. В частности, остановить самосуды. Силы полиции приведены в повышенную готовность, им даны соответствующие указания, думаю, порядок скоро будет восстановлен. Потенциальные жертвы берутся на учёт, их, кстати, не так и много...

– Да что она сейчас сможет, полиция? – усомнился некто особо монструозный. – Даже и фоторобота не составишь! А уж словесные портреты...

– Словесные портреты – прежние.

– Да ладно, бросьте...

– Прежние, прежние. Такие критерии, как красота и безобразия, в словесных портретах не учитываются... – Олег Аскольдыч приостановился, окинул взглядом собравшихся. – А теперь я прошу внимания. – В голосе его зазвучали властные нотки, и чудовища, порождённые сном разума, невольно притихли. – Я разделяю ваши чувства, но поймите наконец: то же самое происходит сейчас по всей стране.

Не исключено, что и во всём мире – ещё не уточнял. Конечно, можно найти крайних... – Он бросил взгляд на Мстишу. – Найти, публично высечь, но симпатичнее от этого никто из нас не станет. Я советую отнестись к случившемуся как к кризису, тем более что это и есть кризис... Собственно говоря, что произошло? Сменились критерии. Всего-навсего. Постарайтесь это понять, – мягко, как малым детям, втолковывал Олег Аскольдыч. – Возьмите любую из нынешних фотомоделей. В позапрошлом веке (даже и в прошлом!) она бы нам показалась уродиной: костлявая, длинная, жердь жердью... Или, скажем, загар. Когда-то белизна кожи считалась первым признаком аристократизма. Теперь наоборот. Раз загорелый, значит, отдыхал где-нибудь на Гавайях...

Чудовища вида ужасного, напряжённо слушавшие оратора, ожили, переглянулись. И то ли движение это вышло у них как-то больно по-человечески, то ли испуг прошёл, но не такими уж и звероподобными показались они на сей раз Оборышеву. Секрет, должно быть, заключался в том, что не с кем их было сравнивать. А может, просто успел привыкнуть.

– Я полагаю, – закруглил неторопливую речь Олег Аскольдыч (он тоже не то чтобы похорошел, но хотя бы стал узнаваем), – всё рано или поздно утрясётся само собой. Но, поверьте, в наших интересах, чтобы утряслось как можно скорее. Стало быть, что? Стало быть, задействовать средства массовой информации: газеты, рекламу, телевидение – и помаленьку-полегоньку ориентировать население, какая именно

внешность в данный момент соответствует...

– Мы ж тут все разные... – осмелился возразить кто-то.

– Несущественно, – заверил Олег Аскольдич. – Важно дать понять, что сейчас НЕ является нормой. Всё остальное – приветствуется...

Главный Квазимодо издал трубный носовой звук (присутствующие замерли) и страшно воззрился на Мстишу.

– Всё понял? – рявкнул он. – Иди работай. Приучай народ к своему рылу...

* * *

Когда отпущенный с миром Оборышев вернулся домой, давно стемнело. Света навстречу не вышла. Она сидела в кухне, уронив руки на скатерть, лицо – на руки. Заплаканный ангел.

– Ланочка... – Мстиша кинулся к жене, оторвал от стола, осмотрел лоб, скулы. Слава богу, ни синяка нигде, ни ссадины. – Ну что ты, родная, что ты?

Всхлипнула, утёрла слёзы.

– Мстиша... – покаянно призналась она. – Меня уволили...

Выдохнул с облегчением.

– Всего-то? Ну и чёрт с ними! Другую работу найдёшь...

– Не найду, – со страхом сказала Светлана, и ангельские глаза её вновь наполнились слезами. – В том-то и дело, что

не найду... Знаешь, за что меня?

– За что?

– За это! – И она, застонав, двинула себя кулачком в лицо, чудом не разбив свой очаровательно вздёрнутый носик. – Как увидели, как вскинулись... Директоршу позвали! Нам, говорят, амбициозные нужны, деловые... А не лошицы всякие...

– Кто?

– Лохи! Женского рода... Пошла к хирургу – там очередь...

– К какому хирургу?

– К пластическому...

– Ты что, дефективная?! – заорал Мстиша. Светлана вздрогнула. Спыхватился, заворковал, оглаживая с нежностью ангельское личико: – Не вздумай... Даже не вздумай, Светка... Ты мне такая нужна, именно такая...

– Безработная? – с горечью спросила она.

– Да чёрт с ней, с работой! Выживем, Свет! Уж меня-то с моим рылом теперь точняк не уволят... Сам губернатор сказал! – Запнулся, застигнутый внезапной мыслью. – А что за очередь у хирурга? Неужели...

– Да нет. Одни дуры богатые. Все в истерике. Чуть не побили...

– А что хирург? В смысле – ты его спрашивала?

– Говорит, бесполезно. Говорит, это как с отпечатками пальцев: сколько кожу с подушечек ни срезай, всё равно по-

том то же самое нарастёт...

– Почему он так уверен? У них же в практике подобных случаев не было!

Ангелочек шмыгнул носом, судорожно вздохнул.

– Не знаю... Может, просто отделаться хотел побыстрее...

Умолкла, поникла, должно быть, переживая заново сегодняшней день.

– Ну почему? – с болью произнесла она. – В чём виновата?

– В том-то и дело, что ни в чём, – угрюмо ответил муж.

– Господи, – растроганно сказала Света. – Какой ты у меня добрый... – Отстранилась, расширила глаза. – Слушай! А ты, по-моему, похорошел...

Мстиша содрогнулся.

– Упаси боже... – пробормотал он. – Только не сейчас!

* * *

Перед тем как отправиться на кухню и выпить свой утренний кофе, Оборышев долго стоял над супружеским ложем, всматриваясь в безгрешное личико спящей жены. Измученное. Прекрасное.

Бедные вы, бедные... Совестьливые, застенчивые, незащитные. Вам врут – и вы верите, вас предают – и вы прощаете. Даже имя ваше у вас отобрано: звание порядочных людей принадлежит теперь брюхоногой крутизне, разъезжающей на «Лексусах» и загорающей на Гавайях... Вроде бы

всё уже сделано, чтобы известить вас под корень, а теперь ещё и это...

Мстиша повернулся к зеркалу – и стало стыдно до судорог. Одно утешение: с сегодняшнего числа сия мордень – его хлеб, его рабочий инструмент.

Стиснув зубы, прошёл на кухню. Пока варил кофе, включил маленький плоский телевизор, убрав звук, чтобы не разбудить Светлану. Взглянул на экран – и чуть не обварился полезшей из джезвы пеной: по дорожке подиума, вихляя челюстью, плечами и бёдрами, стремительно шла Акулина Истомина. Отставил джезву, приблизился. Нет, не Акулина... Хотя очень похожа. Grimаса – один в один. И плечи кривые.

Выходит, прав был Олег Аскольдыч: во всём мире творится то же самое.

Ладно. Попью кофе и пойдём приучать народ к своему рылу...

В прихожей висело ещё одно зеркало. Не удержался – бросил взгляд. Да уж, хорош, нечего сказать.

– Охо-хонюшки... Грехи наши тяжкие...

Выбравшись на проспект, огляделся с затаённым страхом. Однако стесняться было некого: все такие, никто не краше. Оборышев повеселел и, с интересом рассматривая встречные хари, направился к трамвайному кольцу.

Внезапно внимание его привлёк мужчина, прижавшийся спиной к рекламной стойке. Мужчина был красив и бледен. Смятенный, растерянный, встретившись случайно взглядом

с кем-нибудь из прохожих страшилищ, он тут же прятал глаза. Блаженного не трогали. Похоже, обстановку в городе и впрямь удалось стабилизировать – неподалёку маячили двое полицейских, явно следя за тем, чтобы никто не обидел беднягу.

Мстиша крикнул, нахмурился, порылся в карманах и, подойдя, сунул убогому червонец.

Бакалда, шоль 2013

Дело о причиндалах

Есть женщины в русских селеньях...

Н.А. Некрасов

Внешне она ничуть не напоминала персидскую княжну, однако, стоило познакомиться с ней поближе, возникало острое желание вывезти на стрежень и утопить, к едрене фене. На редкость самозабвенная особа – шла в бой за правду по любому поводу, невзирая на место, время и обстоятельства, причём, если не ошибаюсь, поражения не потерпела ни разу – возможно, потому, что в тактическом плане предпочитала всегда лобовую атаку.

– Кто поставил стакан на край стола? Глядеть надо, куда ставишь!

Это в том случае, если стакан был сшиблен её локтем. Если же, упаси боже, чьим-либо иным, а стакан на краешек поставила она сама, то виновнику влетало за растопыренные грабли, не промытые с утра глаза и отсутствие очков.

И не восклицала, обличая, а бубнила – вот что страшно-то! Обладай она азартом или даже темпераментом, возник бы шанс срезать, подсесть, поставить перед фактом. Однако, уродившись тормозом, та, о ком идёт речь, была неуязвима для аргументов – пропускала их большей частью мимо ушей и продолжала наступление с неотвратимостью асфаль-

того катка.

Помнится, в то роковое утро никто ещё ни в чём не прощётрафился, но чувство собственной правоты требовало выхода, и сослуживица наша обрушилась на некоего буржуина, дошедшего в бесстыдстве своём до того, что дерзнул воздвигнуть у входа на дачный участок двух позолоченных львов, чем бросил вызов всем честным людям и ей лично.

– На пьедесталах! Перед воротами! Это что?! – с гневной занудливостью вопрошала она, оглядывая наш маленький офис.

Надо было что-то отвечать.

– Прямо напротив? – посочувствовал кто-то.

– Напротив чего?

– Ну... дачи твоей...

– Да нет! Метрах в пятидесяти.

Сотрудники обменялись скорбными взглядами. Стало быть, даже пятьдесят метров нельзя считать гарантией безопасности. Ладно, учтём.

– А львы – они как? Мальчишки? Девочки? – любопытствовал мой друг Лёша Вострых – единственный человек, умевший сбить правдоискательницу с панталыку.

Сбил. Замерла, припоминая. Так и не припомнила.

– Гривы у них есть? – дал наводку Лёша.

Вспомнила, ожила.

– Есть! Гривы есть...

– Значит, мальчишки. Стоят, сидят?

– С-сидят... Нет! Стоят.

– Тогда просто, – сказал он. – Мазут в хозяйстве имеется?

– Мазут?..

– Можно битум, – позволил Лёша. – Или даже баллончик со спреем. Желательно чёрным. Тут, видишь, какая история... Стояли у нас перед театром до войны два гипсовых льва...

– Да они и сейчас там...

– Нет, это уже другие. Тем какой-то хулиган причиндалы дёгтем намазал. До войны белили, после войны белили – так до конца забелить и не смогли... Проступает дёготь – и всё тут! Новых ставить пришлось.

Тревожно задумалась.

– Но это же не побелка, – неуверенно возразила она. – Это позолота...

– Да, – с сожалением вынужден был признать он. – С позолотой сложнее. Сквозь позолоту никакой дёготь не проступит... Зато она дороже, позолота. Как им буржуин причиндалы по новой вызолотит, ты их опять баллончиком. Под покровом ночи, а? По-моему, выход.

При этом Лёша был настолько дружелюбен и серьёзен (да и мы внимали ему без улыбок), что заподозрить нас в издевательстве она просто не посмела. Во всяком случае, вслух.

Знай мы заранее, чем обернётся Лёшина попытка унять правдивые речи, заткнули бы ему рот и покорно выслушали всё, что нам этим утром причиталось. Увы, узреть воочию

будущее (хотя бы и ближайшее) не дано даже Ефиму Голокосту, нашему знаменитому земляку. Пока не дано. На той неделе его опять по телевизору показывали: если не врёт, прошлое он наблюдать уже научился.

* * *

Вошла – и резко остановилась, боднув воздух. Она всегда так ходила – стремительно, лбом вперёд, не поднимая взора. Пока в кого-нибудь не впишется. Мы, понятно, старались загодя убраться с её дороги, что, кстати, удавалось далеко не каждый раз. Идти с ней рядом было ещё опаснее: размахивала руками, словно бы разгребая окружающую действительность.

– Значит, чёрным спреем? – зловеще спросила она Лёшу. Тот удивился, снял очки, всмотрелся в её пышущее от возмущения лицо.

– Ты о чём, лапушка?

– О причиндалах!

– О чьих, прости, причиндалах?

– О львиных!

Вы не поверите, но кто-то в ночь с субботы на воскресенье под покровом темноты и вправду воплотил в жизнь преступный умысел Лёши Вострых, очернив из баллончика мужские достоинства обоих приворотных львов. Ничего, на мой взгляд, сверхъестественного – обычное совпадение мыс-

лей, вполне напрашивающийся поступок.

– Ты ж вроде радоваться должна!

– Радоваться? – Редкий случай – у правдоискательницы перехватило дыхание. – А на кого теперь подумают?

– Ну не на тебя же!

– Именно что на меня! Зачем ты это сделал? Тебя просили?

– Лапушка! – вскричал Лёша. – Да я даже не знаю, где твоя дача находится!

– Вот только врать не надо! Не знает он! Что ж они, сами почернели?

Мало-помалу, слово за слово, проступили подробности происшествия. Встал утром буржуин – глядь, а львы-то обещены! Позор на всю округу – уж лучше бы ворота дёгтем вымазали! Заказать пригрозил диверсанта.

– Минутку! – на свою беду вмешался я. – А почему обязательно Лёша? Он это предложил, согласен. Но нас-то здесь, кроме него, было пятеро. И каждый слышал...

Развернулась ко мне всем корпусом (иначе у неё не получалось), просверлила взглядом.

– Значит, ты?

– У меня – алиби, – поспешил откреститься я. – Кстати, у Лёши – тоже. В ночь с субботы на воскресенье мы с ним вместе пьянствовали...

– Ну, значит, вдвоём и...

– Да погоди ты! С чего ты вообще взяла, что подумают на

тебя? Ты что, разболтала кому-нибудь? На даче...

Запнулась, воззрилась в пустоту. Ну точно, разболтала.

– Нет, – решительно отрубил она. – Эти не могли.

– Кто?

– Соседи.

– А мы могли?

– Вы – могли.

К счастью, сотик, носимый ею на кожаном гайтане, даря нам с Лёшей отсрочку, заиграл нечто бравурное. Вышла.

Мы переглянулись. И начал до нас помаленьку доходить весь ужас сложившегося положения. Это ж вам не стакан, сбитый с краешка стола чьим-то неловким локтем, – это лвы, ещё и позолоченные! Съест ведь. Сгложет. Методично и неотступно изо дня в день будет долбить и долбить в одну точку, требовать чистосердечного признания, пока в наших замороченных головах не возникнет уличающе подробная картинка ночного кощунства, в котором мы затем и покаемся.

По телефону она говорила довольно долго. Оробелая тишина стояла в офисе. Наконец хрупкая, похожая в профиль на сайгака Лина Эльбрусевна устремила на нас влажные выпуклые глаза и произнесла испуганным баском:

– Ребята... А в самом деле, зачем вы это сделали?

В ночь с субботы на воскресенье мы действительно – чем хотите поклянусь! – пьянствовали у Толи Чижики в связи с недавним отъездом его Людмилы на пару дней в санаторий. Собственно, пьянкой это можно было назвать лишь с большой натяжкой – так, мальчишник, посиделки бывших сокурсников. Болтали обо всём на свете, обсуждали мировые проблемы, ну и, как водится, не могли не схватиться по поводу знаменитого нашего земляка, изобретателя хроноскопа Ефима Голокоста. Лёша придерживался версии о жульнической сути его исследований, мы же с Толиком полагали, что он просто ненормальный.

Свалились под утро – скорее от утомления, нежели от выпитого.

Когда на исходе следующего дня я нагрязнул к Толику на квартиру, та уже была приведена в исходное состояние и блистала чистотой. Нигде ни единой улики.

– Толик, – сказал я. – Ты не мог бы подтвердить, что мы всю ночь просидели у тебя и никуда не отлучались?

В глазах Толи Чижики засветились разом испуг и нездоровое любопытство.

– С ума сошёл? Людка завтра вернётся – башку оторвёт.

– А иначе нам с Лёшкой башку оторвут.

– А ему-то за что?

– А мне за что?

Толик заморгал.

– Н-ну... я думал, тебя Томка твоя к кому приревновала...

– Никто нас не при... не приревновывал! Алиби обеспечить.

– В полицию? – Толик замер.

– Если бы! Дуеву Дуню знаешь?

Знал ли Толик Дуню Дуеву? Ох, знал... Его Людмила, как, между прочим, и моя Тамарка, работали с ней когда-то в одной фирме (тесен мир) и до сих пор часто перемывали ей косточки. Дура. Прямая, как шпала. Живёт не ради радости, а ради принципа. Если вбила себе что-нибудь в голову – ничем не вышибешь. Потом неизбежно принимались жалеть. Бедняжка. Муж сбежал. От дочери из Питера – эсэмэска раз в полгода. Но что ни говори, а такие люди необходимы. Она и ответственная по подъезду, она и член дачного правления... Другая бы триста раз плюнула, рукой махнула, а эта – нет, эта не отступит. Да и в конце-то концов, должен же кто-то бороться за справедливость!

В принципе, с последним высказыванием я согласен. Кстати, с предыдущими – тоже. Единственная оговорка: пусть себе борется с кем угодно, лишь бы не со мной! Сдаюсь заранее...

Однако признать свою вину в данном случае означало попасть из огня в полымя: заказать нас буржуин, допустим, не закажет, а в суд подать может. Оно нам надо?

Забегая вперёд, скажу: я преклоняюсь перед Толей Чижиком. Сохранить юношеские идеалы до такой степени, чтобы ради старой дружбы, рискуя расположением супруги, во всеуслышание огласить правду, – это, признайтесь, не каждому дано.

Уламывал я его, не скрою, долго, но в итоге уломал. Назавтра выяснилось, зря я это сделал.

* * *

Недобрые предчувствия возникли у меня сразу же, стоило переступить порог офиса. Шелестели бумаги, шуршала клавиатура, за окном шла утренняя склока воробьёв. Правдоискательница безмолвствовала – победоносно и загадочно. Наконец разомкнула уста.

– Мне вчера звонил муж Людмилы, – скрипуче объявила она.

Шелест, шорох, чириканье – всё смолкло.

– Надо же! Дружка подговорили, чтобы он их отмазал, – как вам такое понравится?

– Дуня! – хрипло сказал я. – Толя Чижик – честнейший человек.

– Как же честнейший, если врёт? Нагло причём!

Умный Лёша помалкивал. А я сорвался:

– Сколько тебе свидетелей надо? Пять? Десять? А вот запросто! Мы с Лёшей спиртное в угловом магазине брали –

знакомых полно...

– Знакомых... – хмыкнула она. – Эти уж точно подтвердят!

– И продавщицы подтвердят! Они нас там в лицо знают!

– Да я думаю...

– И было это перед самым закрытием! Как бы мы оттуда до твоей дачи добирались? Среди ночи! Тридцать километров от города...

– Вы же не знаете, где моя дача находится, – с холодным презрением напомнила она.

– Тогда – не знали! Теперь – знаем!

– Ой!.. – внезапно сказала Лина Эльбрусевна и с ошеломлённым видом взялась кончиками пальцев за крылья своего сайгачьего носа. Влажные, чуть выпуклые глаза выразительны как никогда.

Все повернулись к ней.

– Дуня... – виновато и растерянно призналась она. – А ведь они правду говорят. Я тоже в субботу видела, как они из этого магазина выходили... С покупками... В десятом часу...

Лина Эльбрусевна осеклась, но было поздно. Правоиспательница смотрела на неё с укоризной.

– Значит, и тебя уже обработать успели, – горестно подбила она итог. – Ну, Лина... От кого, от кого, а уж от...

Всё-таки удивительное это изобретение – сотовый телефон. Сколько раз он выручал меня в трудные мгновения!

Выручил и на этот раз. Услышав знакомую мелодию, сопровождаемую биением в нагрудном кармане, я извинился и поспешно вышел в коридор, чем спасся от грядущей разборки. Зато нарвался на другую. Звонил Толя Чижик, и был он близок к истерике.

– Да идите вы все! – захлёбываясь, кричал этот честнейший человек. – С вашими львами, с вашими... Людка вернулась – разговаривать со мной не хочет!

– Дунька стукнула? – упавшим голосом спросил я.

– А то кто же! Алиби им подавай!

– Господи, что же делать? – проскулил я.

– Что делать, что делать!.. К Голокосту обратиться – прошлое он уже наблюдать научился! – жёлчно посоветовал Толик.

* * *

Избитая фраза «В каждой шутке есть доля шутки» кажется мне излишне заболтанной и нуждается в сокращении. «В каждой шутке есть доля» – так, на мой взгляд, куда короче и точнее.

Доля ты наша, доля...

Дверь нам открыл Ефим Голокост – собственной персоной. Описывать подробно внешность самородка, думаю, не стоит – сами, чай, не раз по телевизору видели. Типичный выходец из Ура халдейского. Правда, был он на сей раз чем-

то сильно встревожен: глаза выпучены, шевелюра – дыбом, седеющая борода торчит клочками. Но это даже придавало ему импозантности: учёный-безумец в чистом виде. Или – бери выше! – кто-то из малых пророков.

– Ну я же сказал! – с болью в голосе произнёс он. – К вечеру всё демонтирую...

– Добрый вечер, Ефим Григорьевич...

– Ну хорошо! – вскричал он. – Не к вечеру – к ночи...

– Да мы, собственно...

Взгляд его переключался с каменного лица Дуни Дуевой на интеллигентного очкастого Лёшу.

– А! – с облегчением сказал Голокост. – Так вы не из полиции?

– Нет.

– Тогда пошли вон!

– Ефи-им Григорьич!..

Голокост был неумолим. Я хочу сказать, был бы неумолим, нехвати мы с собой Дуню. Поначалу она собиралась хранить гордое молчание, но, услышав незаслуженное «пошли вон»...

Короче говоря, наш асфальтовый каток медленно развёл пары и двинулся на гениального изобретателя. В течение следующих пяти минут создатель хроноскопа только извинялся и оправдывался, выдавая с перепугу такое, что нам и не снилось. Оказывается, сегодня утром к Голокосту заявила полиция. Странно, что она не сделала этого раньше.

– Правда, – говорят, – прошлое видишь?

– Правда.

– Дай, – говорят, – посмотреть, кто племянника мэра замочил.

Дал. Посмотрели. Ужаснулись.

– Слышь, – говорят, – мужик! Если не хочешь неприятностей, демонтируй, на фиг, этот свой прибор – и чтоб никому ни словечка. Всё понял?

Голокост был понятлив от природы. Заверил, будто сегодня же всё демонтирует, а сам, как это свойственно высоким натурам, предался отчаянию.

Дальше ему оправдываться перед нами не пришлось: Дуню Дуеву развернуло на новую цель – и полетели на головы коррумпированных стражей порядка обвинение за обвинением, сопровождаемые точными указаниями, что надо сделать и в какие инстанции обратиться. Вплоть до канцелярии Президента.

Зачарованный гневным Дуниным занудством, Ефим Григорьевич слушал её с приоткрытым ртом. Было в ней, было всегда нечто гипнотическое.

Словом, когда мы изложили нашу просьбу, он беспрекословно провёл нас в свою скинию, где полез под кровать, извлёк оттуда бог весть что, два крупных неопрятных кристалла, этакие, знаете, урим и туммим, каковые и подключил к ноутбуку. Кажется, мы с Толиком ошибались, да и Лёша был не прав – насчёт Голокоста. Судя по тому, что замелькало на

мониторе, никакой он не жулик и уж тем более не псих. Ну разве что чуточку, как и подобает гению.

* * *

Однако вскоре чувство благоговения, с которым я следил за священнодействиями нашего знаменитого земляка, переросло в оторопь, а затем и в панику. Выходит, впервые в жизни по телевизору сказали правду... Опасливо наблюдал я со стороны, как выдающийся человек, следуя подсказкам Дуни Дуевой, определяется с координатами на местности – елозит «мышкой» по всему дачному посёлку. Не по какой-нибудь там компьютерной графике – по живому елозит! Кошмар: радиус действия хроноскопа был даже больше тридцати километров, на которые отстояла от города Дунина дача.

Полезли пугающие мысли о дальнейшей судьбе человечества. Видеть прошлое... Но это же страшно! Этого нельзя делать! Оставьте нам хоть что-нибудь тайное, Ефим Григорьевич, не выворачивайте нас наизнанку... Упаси боже, запустят ваш хроноскоп в производство, станет он обычной бытовой электроникой вроде компьютера – и... Тамарка со мной точно разведётся. А уж о судьбе Толи Чижика и помыслить жутко...

Права полиция! Слышь, мужик! Демонтируй! И чем быстрее, тем лучше... Хотя нет! (Я взял себя в руки.) Сначала пусть покажет, кто нас с Лёшей подставил, а там уже...

Тем временем выбрали точку наблюдения – аккурат напротив буржуинских ворот впритирку к противоположному забору. Изображение было зеленоватое, мерцающее, ночное, иногда разрываемое помехами неизвестного происхождения. Но гениталии обоих львов чернели весьма отчётливо.

К счастью, взгляд мой упал на заранее торжествующую Дуню – и панические мысли схлынули. Пододвинулся поближе к экрану.

Там уже выбирали время. Для начала Голокост кликнул ноль-ноль часов между прошлыми выходными – и причиндалы воссияли. Значит, рано. Назначили час ночи – то же самое. Два часа... Есть! Черны как смоль. Точнее – как спрей...

Стали ускоренно отматывать назад – и на мониторе обозначилось некое шевеление.

– Стоп! – сипло скомандовал кто-то из нас.

Мы впились глазами в неподвижный ноктюрн (ночь тогда, надо полагать, выдалась безветренная) – и ёкнуло сердчишко. Пригрезилось нечто невероятное, но от этого ничуть не менее ужасное: сейчас на экране, может быть, слева, а может, справа, покажемся, воровато озираясь, мы с Лёшей – и у каждого в руках по баллончику...

Лёша, как он признался позже, ожидал увидеть на экране саму Дуню.

Оба, как водится, промахнулись.

Я же говорил, что мысли у всех совпадают! Какой-то маль-

чишечка лет одиннадцати, по всему видать, местный Том Сойер, сноровисто обработал сначала одного льва, потом другого – и сгинул.

Несколько секунд все молчали.

– Вот... – с трагической ноткой в голосе промолвил наконец Ефим Григорьевич. – А они говорят: демонтируй...

Мы сдавленно поблагодарили нашего знаменитого земляка и, простившись, вышли в поздний августовский вечер. Горели фонари, шуршали акации, по асфальту гуляли смутные тени. Я украдкой покосился на Дуню Дуюву. В неверном ночном освещении лицо её показалось мне смущённым – и я понял вдруг, что она сейчас должна чувствовать. Первое поражение в борьбе за правду... Да это же катастрофа! А тут ещё вспомнилась читанная в интернете мультка о том, как с помощью гипноза вылечили некую тётеньку от склочности, вороватости, клеветничества, а та пошла и утопилась. И что-то стало мне совсем скверно. Не дай бог...

В молчании добрались до перекрёстка. Зажёгся красный. Дуня Дуюва очнулась, вздохнула и, словно бы дивясь испорченности нашего мира, покачала крупной своей головой.

– Ну, значит, и прошлое уже подделывать научились... – удручённо сказала она.

Бакалда, июль – август 2013

Розыгрыш

– А теперь попросим виновника торжества!

Испытывая сильнейшую неловкость, выхожу на сцену. Должно быть, вид у меня самый что ни на есть нелепый, поскольку зал отзывается одобрительным гулом.

Стою и озираюсь с глупейшей улыбкой.

Как же меня провели!

Потом замечаю, что на сцене я не один: шагах в пяти вышагивает девушка с букетом, и самодовольно жмурится ведущий.

– Надеюсь, вы на нас не в обиде? – дружески осведомляется он на весь зал.

В обиде ли я на них? А ведь пожалуй что и в обиде. Уж больно жесток был розыгрыш. Впрочем, столько во мне сейчас намешано взаимоисключающих чувств, что поди пойми, которое из них сильнее. Тут и досада на собственную доверчивость, и злость на устроителей, и счастье при мысли о том, что весь приключившийся со мной кошмар оказался не более чем шуткой.

– Вы действительно полагали, будто страна, в которой вы живёте, взяла вдруг и рухнула?

Зал освещён не менее ярко, чем сцена. Нахожу глазами актёра, исполнявшего роль Горбачёва. Он откидывается на спинку кресла и приветливо машет мне ладошкой.

– Да... – сипло признаюсь я.

– И вас не удивило, с какой лёгкостью это произошло?

– Удивило...

– И тем не менее вы ничего не заподозрили?

– Нет...

– Почему?

– Знаете... – В горле становится шершаво, я откашливаюсь. – Всё было так достоверно...

– Поаплодируем исполнителям! – восклицает ведущий – и публика отвечает рукоплесканиями.

– Ну хорошо, – продолжает он. – Девяностые годы! Танки палят по Белому дому... И неужели ни разу в ваше сердце не закралось сомнение в подлинности происходящего? Чтобы глава государства расстрелял из танков Парламент! Да и сама мысль, будто ведущую мировую державу может возглавить алкоголик, не отвечающий за собственные поступки...

Актёр, игравший Ельцина, с благостной широкой улыбкой кивает мне сединами из зала.

Я виновато развожу руками. Мне нечего сказать.

– Тогда поприветствуем тех, кто создавал эти замечательные спецэффекты! Танки! Выстрелы! Горящий Белый дом! Гром оваций.

– А люди? – дождавшись относительной тишины, укоризненно вопрошает ведущий. – Вы же знали их бог знает сколько времени! И вас не смутило, что ваши знакомые, вчерашние борцы с религией, словно по мановению волшебной

палочки, все как один стали ревностными православными? Все эти бывшие комсорги, парторги, преподаватели научно-го атеизма... Так бывает вообще?

– Своими глазами видел... – смущённо бормочу я.

В зале весёлый смех.

– Как же вы плохо думали об окружающих! – насмешливо сетует ведущий. – Вы полагали, будто они и впрямь, дай им волю, способны разграбить родную страну, разорить своих лучших друзей, даже подсылать к ним наёмных убийц... Вслушайтесь! Сами термины: «обуть», «заказать», «развести»... Мы ведь нарочно подбирали самые нелепые, самые, извините, дурацкие глаголы. Мы ждали, что вы по меньшей мере насторожитесь! А вы приняли всё как должное...

Я готов провалиться сквозь настил – вроде пушкинского Дон Гуана.

– Аплодисменты сценаристам!

Аплодисменты.

– Вот в зале сидит ваша бывшая сокурсница, – слышу я патетический голос ведущего. – Вы её хоронили...

– В закрытом гробу... – сдавленно подтверждаю я.

– Да! – жёстко отзывается он. – Ну и как вам могло вообще прийти в голову, что найдётся человек, способный запытать её до смерти? За какие-то бриллианты!..

Светка сидит во втором ряду. Живёхонькая, рот до ушей, и показывает мне в восторге большой палец.

– Ваша простота приводила нас в отчаяние, – нарочито

трагически изрекает ведущий. – Я не знаю, кем нужно быть, чтобы поверить, будто, избавившись от надзора Советской власти, братские народы немедленно перессорятся. Мы инсценировали распрю русских с молдаванами из-за Приднестровья – и вы поверили! Потом распрю с Чечнёй! С Грузией! Вы и в это поверили... Тогда мы пошли на откровенный бред: стравили (якобы, разумеется, стравили!) русских с украинцами... Казалось бы, что может быть абсурднее! Но вы поверили и в это... – Он приостанавливается и, выдержав паузу, сухо, чуть ли не с брезгливостью приказывает помощнице: – Вручите ему букет!

Оркестр играет туш. В руках у меня оказывается огромный букет, заслоняющий ползала. Украдкой скашиваю глаз за кулисы, где теснятся радостно скалящиеся рабочие сцены, – и страшная мысль поражает внезапно мой разум.

А ведь при Советской власти не было таких телепрограмм!

Неужто всё это розыгрыш?!

02.06.2014

Клопики

Просыпаюсь, переворачиваюсь навзничь, и первое, на чём останавливается взгляд, – два «клопика» на потолке. Один – прямо надо мной, другой – поближе к люстре.

Свежие, тёмно-розовые. Минут через пятнадцать солятся с окружающим фоном, вылиняют, поблёкнут.

– С добрым утром, – приветствую их, потянувшись. – Милости просим в наши пенаты. Увлекательных зрелищ не обещаю, но...

Пришельцы безмолвствуют и вообще делают вид, будто сказанное к ним не относится. Выбираюсь из-под простыни, влезаю в тапки и в чём мать родила, не таясь, дефилирую в туалет. На косяке аккурат напротив унитаза расположился ещё один «клопик», побледнее. Должно быть, чуть раньше приполз. Чей же это, хотелось бы знать, десант? Кто вас, «клопики», ко мне запустил: соседка слева или соседка справа? Наверное, слева. Ту, что справа, голые мужики вроде бы уже интересоваться не должны.

– Ай-ай-ай... – укоризненно говорю я микроскопическому соглядатаю. – И не стыдно?

Воссевши на стульчак, запрокидываю голову, оглядываю чистые белёные углы. Удивительно, однако с некоторых пор (сами знаете, с каких) куда-то подевались пауки: то ли механическая мелюзга достала их радиоволнами, то ли самим

фактом своего присутствия. Соседка (та, что справа, пенсионерка) тревожится, говорит, будто паук – к деньгам, стало быть, отсутствие пауков – к безденежью. Мне бы её заботы!

Не знаю, кто окрестил «клопиков» «клопиками», но слово настолько всем пришлось по вкусу, что официальное их название забыто напрочь. Кругленькие крохотульки, в неактивированном состоянии сохраняющие рубиновый оттенок, – конечно, «клопики». Вдобавок состоят в близком родстве с «жучками». Разница в чём? «Жучок» только подслушивает, а «клопик» ещё и подсматривает.

Дверной (точнее, бездверный) проём, разделяющий коридорчик и комнату, прорублен прежними владельцами квартиры чуть не до потолка и превращён в турник. Большое им за это спасибо!

Прежде чем стать на цыпочки и ухватиться за металлическую трубу, обметаю её веником, а то был уже случай: взялся не посмотрев и раздавил одного, причём с омерзительным влажным хрустом. Чёрт знает, из чего их делают: внутри что-то липкое и клейкое, как сироп.

Итак.

Веник – в угол, пять раз подтянуться прямым хватом, пять раз обратным, двадцать раз отжаться от пола на широко раскинутых руках, мельком взглянуть в зеркало и с удовлетворением отметить, что отразившийся там обнажённый мужчина молод не по годам. Рыло, правда, не новое, но тут уж ничего не попишешь.

Оба «клопика»-новосёла успели к тому времени порядком обесцветиться, хотя врождённой розоватости не утратили.

– А? – подмигиваю им. – Ничо смотрюсь?

Странно. С кем из ровесников ни поговори, все стоном стонут от их нашествия, а мне хоть бы хны. Приятно, знаете, тешить себя иллюзией, будто кому-то ты интересен. Раньше на что только не шёл человек, лишь бы привлечь внимание к собственной персоне: с крыш прыгал, в Интернете скандалил, врал о встречах с инопланетянами... Теперь это, на мой взгляд, лишние хлопоты. Готовишь ли ты яичницу из двух яиц, моешь ли посуду, слоняешься ли из угла в угол – всё под присмотром, причём неизвестно чьим. И почему бы, кстати, не предположить, будто в данный момент Ольга Марковна хмуро сидит перед монитором, оценивает под разными углами зрения нынешний рельеф моих грудных мышц и, чем чёрт не шутит, может, даже осознаёт с тоской, какой она была душой, подав на развод...

Когда-то по молодости лет я упорно пытался начать новую жизнь с понедельника. До обеда меня хватало, а дальше всё шло как раньше. Однажды осенило: а что, если начинать новую жизнь с утра? Ежедневно! И знаете, почти получилось: в течение месяца я жил до обеда по-новому, а после обеда по-старому. Потом надоело – махнул рукой и больше не рыпался.

А теперь вот появились «клопики».

Так что есть и от них какая-никакая, а польза. Не подглядывай они за мной, вряд ли бы я столь вызывающе вёл здоровый образ жизни, всем назло корячась по утрам на перекладине турника. Наконец-то в долгом списке моих привычек завелась хотя бы одна хорошая. Курить бы ещё бросить...

* * *

Раздаётся звонок в дверь. Накидываю халат, иду открывать. Соседка по этажу. Не та пенсионерка справа, что беспокоилась насчёт исчезновения пауков, – другая, бальзаковского возраста. Постбальзаковского. Та, что слева. Утренний марафет наведён, звёздчатые глазёнки гневно растопырены.

– Вы что себе позволяете!

– А что я себе позволяю?

– Нет, но как вам это нравится! – возмущённо взывает она к потолку прихожей, где, слившись с побелкой, наверняка притаились всё те же ползучие объективчики. – Расхаживает среди бела дня нагишом – и спрашивает!

– Вообще-то на мне халат.

– Сейчас – да!

– И это моя квартира. В чём хочу, в том расхаживаю.

– Ой... – презрительно кривится соседка. – Вот только не надо мне ля-ля... Зря стараетесь! Вы вообще не в моём вкусе. «Ничо смотрюсь?» – с ядовитым присвистом передразнивает она меня.

– Идите к чёрту, девушка, – миролюбиво предлагаю я. – И «клопиков» своих, если можно, прихватите...

– Моих?!

– Ну не моих же...

– Именно что ваших! – взрывается она. – Вы – эксгибиционист! Вы их сами по стенам рассаживаете!

Моргаю, шалею, потом начинаю хихикать самым неприличным образом – и никак не могу остановиться.

– На порносайт выложу... – злобно шипит соседка. Отступает на шаг и хлопает моей дверью, словно своею собственной. От сотрясения на голову мне с потолка падает «клопик»-переросток. Со стуком рикошетирует на пол, белый, как таблетка, шустро переворачивается и суетливо ползёт к стенке, до которой, между прочим, полметра. Подсадить, что ли? Нет, не стоит. Сам доберётся. И так вон уже меня из-за него в эксгибиционисты определили!

На порносайт выложит! Туда ещё поди пробейся – на порносайт... Не думаю, чтобы кого-либо привлекла такая скукотища, как утренняя гимнастика. Хотя бы и нагишом.

Я поворачиваюсь и в задумчивости иду в кухню готовить яичницу из двух яиц.

* * *

Та-ак... А куда же это, хотелось бы знать, запропала моя любименькая чугунная сковородочка? На конфорке нет, в

холодильнике тоже. Да и что ей там делать, в холодильнике? Наверняка стоит где-нибудь на виду, ухмыляется втихаря... И свалить, главное, не на кого – живу один: ни кошки, ни жены.

Для того чтобы предмет исчез, мне, как правило, достаточно его переложить или хотя бы передвинуть. Может, машинально засунул в сушилку для посуды? Тоже нет. Странно...

Податься некуда – врубаю компьютер, вызываю на плоский обширный экран общий план моей кухоньки, командую обновить картинку... Эх, сколько вас, оказывается, за ночь понаползло – весь монитор в красных метках, как из пульверизатора брызнули! А которые тут со вчерашнего дня шпионят? Ага... Стало быть, ты, ты и ты... Остальные либо новички, либо выбрали невыгодную для наблюдения позицию.

Ужинал я вчера поздно, часов этак в одиннадцать... Копирую коды нужных «клопиков», ввожу дату, время, прокручиваю отснятый материал... Стоп! Теперь помедленней. Ну конечно! Поставил вымытую сковородку на подоконник и накрыл тарелкой – попробуй угляди её теперь без современных технических средств...

* * *

Если хотите, облейте меня презрением, но нынешнюю власть я уважаю. По-настоящему мудрый правитель нико-

гда не станет делать того, что могут с успехом проделать сами подданные. Взять, скажем, Оруэлла с его Министерством Правды (или какое там у него министерство слежкой занималось?). Мало того что пришлось каждое помещение оснастить за казённый счёт телевизором с видеокамерой – к этой механике же ещё и штат наблюдателей нужен, и каждому наблюдателю, будь любезен, содержание обеспечить! Так, пожалуйста, и по миру пойдёшь... То ли дело теперь! До сих пор не пойму, расценивать ли случившееся как свидетельство великого ума наших государственных мужей или же, напротив, полного отсутствия такового. Всего-то-навсего позволили ввозить «клопиков» беспрошленно, благо Китай и Америка у себя их запретили. А русского человека хлебом не корми – дай подглядеть, чем сосед занимается. В итоге ни копейки из бюджета не потрачено, а вся страна – под колпаком у всей страны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.